

О. Г. Фёдорова, Г. В. Кретинин

**О ПОСЛЕВОЕННОМ ВОССТАНОВЛЕНИИ
КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ:
К ВОПРОСУ О КОНФЛИКТЕ ВЛАСТЕЙ**

Рассматриваются вопросы передачи власти от военных структур гражданским на этапе послевоенного восстановления Калининградской области.

This article focuses on the transitions of power from the military bodies to the civil ones at the stage of the post-war restoration of the Kaliningrad region.

Ключевые слова: Кёнигсберг, Калининградская область, послевоенное устройство, военная власть, гражданская власть, руководство области, районы, силовые ведомства.

Key words: Königsberg, Kaliningrad region, post-war organisation, military authorities, civil authorities, regional administration, security services.

В течение первого послевоенного года часть территории бывшей Восточной Пруссии, на которой располагается современная Калининградская область, не имела своего географического названия. В политическом отношении это был «Кёнигсберг с прилегающим к нему районом» [1]. Здесь 9 июля 1945 г. образован особый военный округ (командующий — генерал-полковник К.Н. Галицкий, бывший командующий 11-й гвардейской армией) с центром в Кёнигсберге и ликвидирован 29 января 1946 г. путем присоединения к Прибалтийскому военному округу, штаб которого был в Риге [2, с. 246].

Ликвидация особого военного округа привела к практическому безвластию на территории будущей области. Если до 29 января она полностью подчинялась командующему войсками округа, то после К.Н. Галицкий вновь становился командующим армией, и формально его власть ограничивалась гарнизонами, в которых находились соединения и части армии.

Реформа военного командования привела к утрате легитимности Временного гражданского управления. Каких-либо распоряжений о его переподчинении Военному совету Прибалтийского военного округа исследователи пока не обнаружили. Между тем именно это управление контролировало повседневную деятельность созданных и создающихся на территории учреждений и организаций, а также условия существования немецкого и переселяющегося советского населения.

Органы военного управления по инерции еще продолжали исполнять свои обязанности. На местах следили за порядком военные коменданты, работали сформированные к этому времени военные совхозы, подсобные хозяйства воинских частей. Однако требовать помощи в обеспечении фондовых поставок продовольствия, различных материальных средств жизненной необходимости при децентрализации власти было некому. Мало внимания было уделено и подготовке к предстоящим весенне-полевым работам. Более того, не удалось в полной мере переселить часть немецкого населения из городов и городских поселков в сельскую местность, осуществить получение наделов земли и вырастить урожай, что по опыту предыдущей зимы могло значительно облегчить условия проживания.

Только 7 апреля 1946 г. указом Президиума Верховного Совета СССР на территории города Кёнигсберга и прилегающих к нему районов была образована Кёнигсбергская область в составе РСФСР. Одновременно началось ее административное обустройство: определено 14 районов, три города были отнесены к городам областного подчинения, через некоторое время приступили к переименованию населенных пунктов.

Важнейшей проблемой стала организация управления области. Временные гражданские управления бывшего особого военного округа 25 апреля 1946 г. прекратили свою деятельность. Как правило, военнослужащие, исполнявшие там должностные обязанности, увольнялись из Вооруженных Сил и оставались на прежних местах уже в категории гражданских руководителей и специалистов. Городские и районные управления получали новую вертикаль подчиненности Совету министров РСФСР.

Вновь созданные гражданские управления в короткое время (в течение месяца) в основном были укомплектованы руководящими работниками, командированными ЦК ВКП(б), правительством и различными ведомствами. Штатная потребность управлений всех уровней в специалистах изначально

составила 1422 человека (836 – руководящие работники, 586 – технический и обслуживающий персонал) [3, с. 469; 4, с. 183]. Однако документы проверок из центра сообщают о том, что процесс набора оказался весьма не простым и растянулся во времени. Комиссия ЦК ВКП(б) (Л. Слепов, С. Старостин, Б. Саркисов и Н. Войгов) в докладной записке от 7 июля 1946 г. на имя секретаря ЦК А.А. Кузнецова сообщала, что в мае в область прибыли «основные руководящие работники области и районов». Предполагалось, что в областном управлении по гражданским делам должны работать 280 человек, но на 1 июля их насчитывалось всего 148, из 3 заместителей начальника управления отсутствовало 2, специалистов (агрономов, экономистов, инженеров и т.д.) было всего 49 человек из 180. Еще хуже обстояли дела с городскими и районными управлениями по гражданским делам. В 7 районах не существовало отделов коммунального хозяйства и здравоохранения, в 8 – не работали плановые отделы, в 2 – школьные, в 13 – секторы кадров. Отделов промышленности не было ни в одном районном управлении, а те, которые удалось создать и которые приступили к работе, были укомплектованы формально – по 1–2 человека. Из 1142 необходимых штатных единиц городского и районного звена на 1 июля было всего 383 работника. Особенно слабо управления были заполнены специалистами сельского хозяйства, инженерно-техническими рабочими, врачами, экономистами и школьными инспекторами [5, л. 2].

Прибывшие в область специалисты очень часто не отвечали своему должностному предназначению. Так, в промышленный отдел областного управления в качестве инженера был прислан работник без специального образования, до отъезда в Калининград заведовавший небольшим гаражом. Два других инженера этого же отдела только что окончили учебное заведение по специальности, связанной с текстилем, а области текстильной промышленности не было, и пока даже не планировалось ее создание. Такие же проблемы стояли в городах и районах области. Например, заведующим одним из районных земельных отделов должен был стать специалист рыбной промышленности (впрочем, в «рыбном крае» ему нашли профессиональное применение), на работу в целлюлозно-бумажной промышленности была направлена выпускница института иностранных языков без какой-либо специальной подготовки и т.д. [там же, л. 3].

Особое беспокойство у членов комиссии ЦК вызывало состояние дел с формированием органов правопорядка. В частности, МВД и МГБ (министерства внутренних дел и государственной безопасности) были укомплектованы только на 30%, оперативных работников не было совсем. Отсутствовали паспортные столы. Ситуация осложнялась еще и тем, что военные власти были вынуждены снять с себя обязанности по поддержанию общественного порядка, в результате чего охрана промышленных предприятий, крупных мостов, гидротехнических сооружений, электростанций, регулировка уличного движения в Калининграде и других городах практически не осуществлялась. По сообщению комиссии, в городах и районах области увеличилось число краж, грабежей, других уголовных и хулиганских нарушений. Только в рабочем поселке Калининградского целлюлозно-бумажного комбината №1 ежедневно фиксировалось 7–10 ограблений квартир [там же].

Вновь образованные органы гражданского управления за три месяца своего существования не сумели превратиться в «работающий механизм». По сути, все это время они занимались хозяйственным обустройством. До решения практических задач по управлению областью у них не оставалось не только сил, но и возможностей. Основной причиной этому было отсутствие взаимопонимания с военными властями, которые в течение целого года распоряжались на занятой территории всем: восстановлением промышленности, сельского хозяйства; народным образованием; здравоохранением; отношениями с местным немецким населением; приемом первых советских граждан, прибывавших сюда в командировку и, как оказалось впоследствии для многих, навсегда.

Переход «на мирные рельсы» стал для военного командования, с одной стороны, существенным ограничением их властных полномочий, уступкой права руководить тем, к чему привыкали в течение года, обустривали для себя. С другой стороны, действительность показала, что даже при передаче власти гражданским органам фактическая значимость военных структур не уменьшалась. За прошедший послевоенный период они расположили свои гарнизоны в наименее пострадавших от боев населенных пунктах, районах городов и местностях, заняли лучшие здания и сооружения, постарались выдать офицерскому составу квартиры, мебель и т.д. Но, однако же, они обеспечили порядок на обезлюдившей разрушенной территории. Более того, ими были проведены неотложные мероприятия по ликвидации самых тяжелых последствий войны (захоронение погибших людей и животных, частичное решение вопросов с канализацией, электроэнергией, водой, минимально необходимое медицинское обеспечение населения и тем самым недопущение критической эпидемиологической обстановки). Но в конце января 1946 г. централизация власти на территории региона – незыблемый принцип военного управления – была сильно ограничена. Военная структура власти сохранилась, но оказалась очаговой: через

систему военного управления, гарнизоны, объекты военного назначения, отдельные военные городки, сооружения и т.д.

Вопрос взаимоотношения управлений был очень сложным. Формально власть принадлежала гражданским, реально — военным. К середине лета 1946 г. многие районные управления не имели помещений для работы, не говоря уже о столах, стульях и др. Само областное управление располагалось в здании с выбитыми еще в период боев стеклами, без оборудования, автотранспорта.

Следует отметить, что увлеченность гражданских управлений собственным благоустройством не позволяла их руководителям заниматься конкретными функциональными обязанностями, но давала возможность ссылаться на препятствия, чинимые военными. Партийные чиновники из центра сообщали своему руководству, что новые власти не только не сумели наладить отношения с представителями окружного военного командования, но и довести с их помощью соответствующей информации до воинских частей об образовании Кёнигсбергской области и организации гражданских управлений

Воинские части не спешили передавать гражданским многие предприятия, хлебопекарни и хлебозаводы, жилой фонд и другие коммунальные сооружения. В частности, в распоряжении военных находились 30 из 36 работающих мельниц и хлебопекарен, 8 из 16 лесозаводов и деревообделочных мастерских. Среди причин такого положения было и то, что гражданские управления не имели физической возможности принять большое количество зданий, сооружений, жилых домов и обеспечить их эксплуатацию и сохранность. Представители военного командования иногда злоупотребляли властью, часто самовольно действовали отдельные военнослужащие независимо от воинских званий и должностей. Из-за этого строились плохие отношения между представителями обеих ветвей власти. Генерал Галицкий на одном из совещаний начальников управлений заметил, что «идет большая война между гражданскими и военными начальниками» [5, л. 4].

Следует отметить, что обобщенное понятие «военные власти» нуждается в комментариях. Дело в том, что в 1945—1946 гг. на территории будущей Калининградской области шло формирование структур различных силовых ведомств: народного комиссариата (затем — министерства) обороны, внутренних дел, государственной безопасности. Все они имели свои собственные воинские части и соединения, решавшие вопросы безопасности страны в области: и проблемы взаимоотношений с местными (немецкими) жителями, и обустройство границы с Польшей, и содержание значительного (до 30 тыс.) количества военнопленных, и борьба с вооруженными отрядами «лесных братьев» в районах области, соседствовавших с Литвой. Естественно, что каждая из этих структур считала свои задачи наиболее важными и требовала исключительных условий для их выполнения. О руководителях региональных силовых ведомств из-за специфики деятельности научная общественность до последнего времени знала немного. На слуху был только генерал Галицкий. Поэтому сложилось не совсем верное мнение о том, что главный виновник послевоенной разрухи — 11-я гвардейская армия.

Вновь формируемой гражданской власти действительно приходилось нелегко. Но и она не всегда стремилась решать поставленные перед ней задачи быстро и качественно. Налицо была изолированность областного управления от районных и городских структур. Руководство области не выезжало в районы и не знало о положении дел в них, не проводило общих собраний руководителей управлений других уровней, не ставило перед ними определенных задач, отсутствовал контроль их работы. Отмечалось даже, что некоторые районные работники остались не ознакомлены с руководящими документами по образованию области. Руководители районов (8 из 14) в самый ответственный организационный период получили отпуск по личным причинам (перевоз к новому месту жительства семей). Отмечались случаи, когда они вообще ничего не делали на рабочих местах или просто не знали, чем им заниматься. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что утвержденная структура управления области требует серьезной корректировки с учетом местных особенностей (наличие мелких и средних городов, значительных промышленных центров, крупных мелиоративных хозяйств, переселенческих проблем и т.д.) [5, л. 4—5].

Как отмечает профессор Ю.В. Костяшов, первые послевоенные годы в руководстве новой области до сего времени изучены недостаточно. Процесс становления государственной власти в регионе специально не исследовался. Материалы фондов гражданских управлений практически не используются учеными [4, с. 184]. Отсутствие подробной информации и привело к тому, что в научной среде сформировался стереотип о вине военных властей в приведении подведомственной им в 1945—1946 гг. территории в состояние хозяйственного коллапса. Действительно существует ряд публикаций о неблагоприятных деяниях военных команд, осознанно наносивших вред жилым постройкам, различным объектам народного хозяйства [6, с. 119—120; 4, с. 181—195 и др.].

Современные исследования, как правило, базируются на архивных источниках. Многочисленность и однозначность подобных сообщений, в свою очередь, вызывает определенное сомнение в их достоверности. В самом деле, военное руководство, особенно небольших воинских частей, явно упускало из своих рук бразды управления подчиненными, причем иногда соглашалось со своими неблагоприятными действиями. Так, с согласия командования Рагнита (сейчас — г. Неман) и прилегающего к нему района военнослужащие «вследствие безответственного, хамского и варварского отношения к социалистической собственности занимались и до сих пор продолжают разрушать строения, жилые дома» [4, с. 190].

Следует обратить внимание на то, что бездумное отношение к сохранности зданий и сооружений, столь характерное для периода непосредственных боев в какой-либо местности, в Восточной Пруссии запрещалось. В частности, военный комендант Шталлупёнена (сейчас — г. Нестеров) подполковник Чудаков, сообщив начальнику штаба 3-го Белорусского фронта генерал-полковнику Покровскому, что все разрушенные здания города разобраны для совершенствования обороны переднего края войск, а материалов все равно не хватало, спрашивал разрешения использовать для аналогичных целей сохранившиеся здания и получил категорическое запрещение [7, л. 19]. В военном управлении за этим следили органы военной прокуратуры и трибунала. Они серьезно ограничивали, хотя и не исключали, самовольство отдельных командиров и их подчиненных. Поэтому совершенно немотивированными и вызывающими сомнения оказались слова нового гражданского руководства о том, что в Рагнитском районе военнослужащие «разламывают деревянные сараи, увозят с собой рамы, двери и другие ценности...» [4, с. 190].

Следует учесть, что в приграничных районах бывшей Восточной Пруссии, а особенно в соседних с Литовской ССР, по сведениям военных комендантов районов, частое мародерство литовцев наблюдалось уже с первых дней после занятия немецкой территории советскими войсками. В частности, в Рагните было расхищено оборудование кирпичного и сульфитно-спиртового заводов. В Эйдткунене (сейчас — пос. Чернышевское), по докладу военного коменданта, «жилой фонд города разоряется гражданами Литовской ССР... Из домов снимают стекла, рамы, двери, срывают полы, электропроводку, ломают изгороди и увозят сельхозинвентарь». Очевидцы говорили, что в 1945–1946 гг. практически был разобран на стройматериалы и вывезен через реку Шешупе в Литву сильно разрушенный во время боев в октябре 1944 г. прусский городок Ширвиндт [8, л. 167; 9, с. 90–91].

Исследователи, занимающиеся послевоенным периодом истории Калининградской области, не пытаются объяснить, почему советские военнослужащие варварски относились к зданиям и сооружениям в населенных пунктах бывшей Восточной Пруссии. Литовцев, живших вблизи покинутых жителями прусских городов и сел, можно понять, но зачем деревянные конструкции военнослужащим?

Вероятно, сообщения глав новой гражданской власти — оправдание собственной бесхозяйственности. Однако в разборке «ничейных» разрушенных зданий и частных домов есть и вина военнослужащих. Подтверждением этому служит рассказ О. Черенина о том, что поздней осенью 1945 г. группы советских солдат разбирали деревянные конструкции полуразрушенных зданий в Кёнигсберге. Это были «не акты вандализма по отношению к поверженному городу, а суровая послевоенная необходимость». Огромные помещения сохранившихся немецких казарменных построек, занятых советскими солдатами, надо было отапливать. Дров не хватало, и в ход были пущены «подручные» материалы [10, с. 204].

Анализ ситуации с переходом властных полномочий в регионе от военных к гражданским органам управления показывает, что это был исключительно сложный процесс, практически не находивший поддержки из Москвы. Естественно, в такой обстановке следовало ожидать замедления темпов восстановления и преобразования разрушенной войной территории в полноценный субъект РСФСР, что и произошло в действительности.

Совет Министров СССР 21 июля 1947 г. принял сразу девять постановлений, определивших развитие Калининградской области на 1947–1948 и до 1950 г. На практике опоздание в развитии региона составило не менее полутора лет [4, с. 260]. Для сравнения, в соседнем Клайпедском крае со схожей военной и послевоенной судьбой власть на местах стали организовывать сразу же после окончания военных действий, одновременно началось и заселение территории, и ее экономическое возрождение. Руководство Советской Литвы понимало, что собственными силами край восстановить удастся не скоро, поэтому использовало все возможности, чтобы получить помощь от Москвы. В результате к 1950 г. Литве удалось решить основные проблемы послевоенного обустройства и приступить к планомерному народнохозяйственному развитию [11, р. 252–263].

Список источников и литературы

1. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Т. 6.: Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945). М., 1980.
2. Военный энциклопедический словарь: в 2 т. М., 2001. Т. 2.
3. Очерки истории Восточной Пруссии. Калининград, 2002.
4. Костяшов Ю.В. Секретная история Калининградской области. Очерки 1945–1956 гг. Калининград, 2009.
5. Докладная записка по вопросам управления и хозяйственного освоения Калининградской области // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 122. Д. 142.
6. В начале нового пути: документы и материалы о развитии Калининградской области в годы деятельности чрезвычайных органов управления (апрель 1946 – июнь 1947). Калининград, 2004.
7. Донесение военного коменданта г. Шталлупёнена начальнику штаба 3-го Белорусского фронта от 22.12.1944 г. // Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. УВК Шталлупённенского района. Оп. 382647. Д. 5.
8. Письмо начальника штаба войск НКВД по охране тыла 3-го Белорусского фронта начальнику управления пограничными войсками Литовской ССР // ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2662. Д. 2.
9. Кретинин Г.В. О военных комендатурах Кёнигсбергского особого военного округа // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Вып. 12: Сер. Гуманитарные науки. Калининград, 2007.
10. Черенин О.В. Шпионский Кёнигсберг. Органы и операции спецслужб Германии, Польши и СССР в Восточной Пруссии: 1924–1942 гг. Калининград, 2010.
11. Кретинин Г.В., Фёдорова О.В. Клайпедский край после окончания второй мировой войны // Antrojo pasaulino karo pabaiga Rytų Prūsijojefaktai ir istorinės įžvalgos / Akta Historica Universitatis Klaipedensis XVIII. Klaipėda, 2009.

Об авторах

Геннадий Викторович Кретинин – д-р ист. наук, проф., Российский государственный университет им. И. Канта, e-mail: biacrisi@baltnet.ru

Ольга Геннадьевна Фёдорова – асп., Российский государственный университет им. И. Канта, e-mail: dara75@inbox.ru

Authors

Prof. Gennady Kretinin, IKSUR, e-mail: biacrisi@baltnet.ru

Olga Fedorova, PhD student, IKSUR, e-mail: dara75@inbox.ru